

Майкл Муркок
перевод Виктора Беньковского

завтрак на руинах breakfast in the Ruines

Глава 6 ЛОНДОНСКАЯ ПОТОГОНКА 1905: ПОСЛАНИЕ

«На первый взгляд кажется, что значение слова “потение” в приложении к работе достаточно очевидно. Однако когда “Потогонная Система” рассматривалась Комитетом Палаты Лордов, значение слова вдруг стало совершенно неоднозначным. Всем известно, что потогонщиком первоначально назывался человек, который заставлял других работать в течение многих часов. О школьнике, который денно и нощно сидит перед экзаменами за учебниками, тоже можно сказать, что он “потеет”. В лексику профсоюзных деятелей глагол “потеть” и все производные от него и перешли изначально из школьного сленга.

Но в последующие годы словосочетание “потогонная система” постепенно приобрело новое значение: неблагоприятное сочетание долгого рабочего дня и низкой оплаты. “Логово потогонщика” — это производственное помещение, часто являющееся одновременно и жилым, в котором в самых что ни на есть нездоровых условиях мужчины и женщины заняты тяжелым низкоквалифицированным трудом. Работают они от шестнадцати до восемнадцати часов в день за гроши, которых едва-едва хватает, чтобы удержать душу в теле.

Что касается Лондона, то наибольшее распространение потогонная система получила в Ист-Энде. Однако она цветет махровым цветом также и в западной части города, особенно в Сохо, где в последнее время начали даже складываться своего рода “профсоюзы потеющих”. Давайте для начала посетим Ист-Энд, ибо здесь можно увидеть людей — нет, ныне о них можно говорить как о классе — по мнению большинства, изначально приверженных к злу. Люди эти — бесправные иностранные евреи, а Ист-Энд — то место, где их нога в первый раз ступает на свободную землю Англии.

«Лондон живущий».

Джордж Р. Смит, «Кессел и Ко Лтд», 1902 год.

Карл поворачивается на бок. ТАМ болит. Карл хнычет.

— Разве я обещал, что ты получишь удовольствие? — осведомляется высокий чернокожий, вытирая руки полотенцем, а затем потягиваясь и зевая.

— Нет, — голос Карла глухой и слабый.

— Ты можешь уйти, когда пожелаешь.

— Что, это так всегда будет?

— Ты привыкнешь. В конце концов, миллионы других...

— А ты что, был с ними всеми знаком?

Чернокожий отдергивает шторы. За окном тишина и крошечная тьма.

— Ну ладно. Теперь главный вопрос, — говорит чернокожий. — Истина в том, Карл, что все эти новые ощущения тебя заинтриговали. Ты говоришь им: «Добро пожаловать!» Так к чему лицемерие?

— Я не лицемер.

Чернокожий ухмыляется и грозит пальцем.

— Не вали все на меня, человек. Свобода поведения не в этом.

— Я никогда не стремился к свободе поведения.

— Со мной ты был очень даже свободен, — чернокожий закатывает глаза в комической гримасе. Карлу уже приходилось видеть эту гримасу. Он снова начинает дрожать. Карл смотрит на свои собственные коричневые руки и пытается заставить свой рассудок найти объяснение происходящему.

Карлу одиннадцать лет. Маленькая грязная комнатка. Доносится множество негромких звуков.

Чернокожий стоит сбоку от окна.

— Иди сюда, Карл, — говорит он.

Машинально Карл вылезает из постели и идет по полу. Карлу вспомнилась мать и жестянка с краской, которой мать запустила в него. Мать промахнулась и перепачкала обои. «Ты меня не любишь?», — сказал ей тогда Карл. «А с какой стати мне тебя любить?» — последовал ответ. Карлу было лет четырнадцать. Он помнит, что, задав свой вопрос тогда, он тотчас же испытал стыд.

Карлу одиннадцать лет. Отовсюду доносятся тихие повторяющиеся звуки. Звуков много.

Карл шаг за шагом приближается к чернокожему.

— Достаточно, Карл, — говорит тот.

Карл останавливается.

Чернокожий подходит к нему. Он напевает себе под нос «Старики домой верну-лись». Карл опускается на колени на ковер и начинает подпевать. Он поет с нарочито преувеличенным негритянским акцентом.

Карлу одиннадцать лет. Его матери тридцать. Отцу тридцать пять. Они живут в Лондоне. В Лондон они переехали из Польши три года тому назад. Из Польши они бежали, спасаясь от погрома. По дороге их ограбили крестьяне-соотечественники, отняв у них почти все деньги. Когда они ступили на землю Лондона — это было в районе доков — им повстречался еврей, который сказал, что он родом из того же округа, что и отец Карла, и поэтому должен им помогать. Он сдал им квартиру. Квартира была очень плохая и страшно дорогая. Когда у них кончились деньги, тот еврей ссудил отцу Карла несколько шиллингов под залог их имущества. Когда отец Карла не смог отдать ему долг, хозяин квартиры забрал их имущество и высвирнул их на улицу. После этого отцу Карла повезло найти работу. Теперь они все работают — и Карл, и мать, и отец. Они работают на портного. В Польше отец Карла был наборщиком. Он был образованным человеком. Но в Лондоне для польских наборщиков работы было мало. Отец Карла надеялся, что когда-нибудь, в один прекрасный день, ему удастся занять освободившуюся вакансию в польской или русской газете. Тогда они снова станут respectable, какими были в Польше.

Теперь и сам Карл, и его родители — все они выглядели старше своих более удачливых ровесников. Они сидели рядышком в углу длинного стола. Мать Карла работала на швейной машинке. Отец Карла обшивал лацкан куртки. За столом сидели и другие группы — муж и жена, три сестры, мать с дочерью, отец с сыном и двое братьев. Все они выглядели одинаково. На них была поношенная одежда, черная или коричневая. Рты женщин плотно сжаты. У мужчин по большей части были жидкие расстриженные бородки. Поляками были далеко не все. Некоторые приехали из других стран — из России, Чехии, Германии и прочих. Некоторые даже не говорили на идиш и поэтому не могли общаться с теми, кто не был их соотечественником.

Помещение, в котором они работали, освещалось единственным газовым рожком, укрепленным в центре низкого потолка. В помещении имелось маленькое окно, но заколоченное. Сырая штукатурка стен местами отвалилась, открывая кирпичную кладку. Хотя на улице стояла зима,

в комнате не горел огонь. Единственное тепло исходило от тел работников. Камин в комнате был, но служил чем-то вроде комода: туда сбрасывались обрезки материи, которые потом снова шли в дело. От сидящих людей исходил резкий запах мочи и немытого тела, но этого уже никто не замечал. Находящиеся в помещении люди почти не выходили справлять нужду, чтобы не тратить рабочее время из-за боязни не выполнить норму. Некоторые оставались здесь в течение нескольких дней подряд. Они спали, прикорнув на краешке стола. Пищей им служила миска супа, которую кто-нибудь им приносил. Поев и подремав, они снова принимались за работу.

Карл работал здесь уже неделю, когда однажды обнаружилось, что человек, который то и дело надрывно кашляет, не просыпается уже семь часов. Кто-то подошел, встал рядом со спящим на колени и приложил ухо к его груди. Затем он кивнул жене и сводной сестре спящего. Втроем они вытащили его из помещения. Ни жена, ни сестра в тот день не возвращались назад, а когда они, наконец, вернулись, Карлу показалось, что душа женщины совершенно не лежала к работе. Глаза ее были краснее, чем обычно. Однако сводная сестра выглядела как всегда. Как ни в чем не бывало, она принялась за работу. Кашлявший мужчина так и не вернулся назад. Карл понял, что мужчина умер.

Отец Карла отложил в сторону сюртук. Пришло время поесть. Отец вышел из помещения и вскоре вернулся с небольшим свертком. В другой руке у него был большой мятый жестяной чайник горячего чая. Мать Карла оставила швейную машинку и кивнула Карлу. Втроем они уселись в углу недалеко от окна. Отец Карла развернул газеты и вытащил три копченые селедки. Он дал матери и Карлу по рыбе. Они ели, по очереди запивая из носика чайника. Обед длился десять минут и проходил в молчании. Затем они снова вернулись на свое рабочее место за столом, перед этим тщательно вытерев жирные пальцы газетой, ибо мистер Армфелт оштрафует их, если обнаружит жирное пятно на сшитой одежде.

Карл смотрел на тонкие покрасневшие распухшие пальцы матери и на лицо отца, изрезанное морщинами. На ум пришла отцовская фраза: другим в жизни приходится куда хуже.

Отец Карла всегда так говорит: «Помните, другим в этом мире приходится куда хуже. Читайте, что нам еще повезло». Он так всегда говорит, когда они ложатся в кровать. Они втроем спят в одной кровати. Раньше отец Карла каждую ночь молился перед сном. Теперь же, похоже, эта фраза

заменила ему молитвы.

Дверь в помещение открывается. Внутрь врывается ледящий холод. Дверь закрывается. Низенький молодой человек в черном котелке и длинном, до пят, пальто стоит у двери и дышит на озябшие пальцы. Он говорит по-русски. Сейчас глаза его искательно перебегают с одного лица на другое. Мало кто оторвался от работы, чтобы поднять голову и взглянуть на незнакомца. Один только Карл смотрит.

— Послушайте, парни, может быть, кто-нибудь хочет поработать на меня? — говорит молодой человек. — Срочно. Хорошие деньги.

Несколько голов повернулись к незнакомцу. Но Карл их опередил. Он уже поднял руку. Отца Карла это, видимо, тоже заинтересовало, но он ничего не сказал.

— Ты не пожалейшь, — сказал человек. — Пять шиллингов. Кроме того, думаю, это не займет у тебя много времени. Надо передать записку.

— Куда передать?

Так же, как и Карл, отец Карла столь же свободно говорил по-русски, как и по-польски.

— Кое-кому. В доках. Недалеко. Я бы и сам сходил, да занят. Но мне нужен кто-нибудь, кто хоть немножко волочет по-английски, а также по-русски.

— Я говорю по-английски, — сказал по-английски Карл.

— Стало быть, ты аккурат тот парень, который мне нужен. Ну, как, по рукам? — Незнакомец бросил взгляд на отца Карла. — Вы не возражаете?

— Думаю, нет. Возвращайся как можно скорее, Карл. И держи монеты покрепче.

Отец Карла снова принялся за шитье. Мать тоже снова закрутила ручку швейной машинки. Сейчас она вращала ее чуть-чуть быстрее, но это был ее предел.

— Ну, так пошли, — сказал молодой человек.

Карл встал.

— На улице льет, — сказал русский.

— Накинь одеяло, Карл, — бросил ему отец.

Карл пошел в угол и вытащил тонкое одеяло. Накинул его на плечи. Незнакомец уже поднимался вверх по ступенькам. Карл побежал за ним.

Снаружи в аллее под деревьями было почти так же темно, будто ночью. Дождь лил как из ведра. По всей ухабистой мостовой поблескивали черные лужи. Казалось, в них можно утонуть, стоит лишь упасть. Возле двери жался, поджав хвост и скуля, пес. В дальнем конце аллеи виднелись огни паба. Половина окон в домах, что сжимали аллею с обеих сторон, были зашторены. Из не занавешенных окон на улицу сочился слабый

Карл русскому. — Половину теперь. У вас есть восемнадцать пенсов?

С усталым недовольным видом Коврин вытащил из кармана пригоршню мелочи. Карл взял три шестипенсовика и дал их кэбмену.

— Ну вот, теперь порядок, — сказал тот. — Давайте, залазьте, что ли.

Он теперь говорил покровительственно. По всей видимости, это следовало понимать как дружеский тон.

Колымага затрещала и застонала, когда кэбмен хлестнул кобылу. Пружины сиденья жалобно стонали. Рессоры, казалось, пели предсмертную песню. Однако все это шаткое и ветхое сооружение на диво быстро двигалось из района доков к Тауэр-бридж, то есть к ближайшему мосту на южный берег — в Саутворк.

Под мостом как раз проходил корабль. Мост был разведен. Перед ним выстроились в длинную очередь экипажи. Пока кэб стоял, Карл смотрел в окно на Уэстсайд. Небо над этой частью города казалось светлее, а дома чище. Карлу всего лишь раз довелось побывать в западной части Лондона. Он видел здание Парламента и Вестминстерское аббатство. Карлу повезло. Он увидел эти здания при солнечном свете. Они были очень высокими и просторными. Карл решил тогда, что, должно быть, это дворцы воистину великих людей.

Кэб дернулся. Они снова поехали. Кэб проехал через мост, на мгновение оказавшись в облаке дыма, оставленного трубами проходившего корабля.

Несомненно, что для русского, молча сидевшего и смотревшего с мрачным видом в окно, была незаметна разница между улицами на той и на этой стороне реки. Однако Карл повсюду видел приметы преуспевания. Продовольственных магазинов здесь было больше, а продукты в них — более разнообразными. Они миновали рынок, где в ларьках продавались моллюски, жареная треска и картофель, всевозможные сорта мяса, а также одежда, игрушки, овощи, посуда — все, что угодно, что только можно пожелать. Теперь, когда удача, казалось, улыбнулась Карлу, когда в кармане была заветная монета, мечты его приобрели иное направление. Теперь он мечтал о тех роскошных вещах, которые можно будет купить. Возможно, в субботу, после синагоги. Конечно же, первым делом они приобретут себе новые пальто, починят обувь, купят кусок мяса, капусту...

Кэб остановился на углу Тринити-стрит и Фалмут-роуд. Кэбмен стукнул по крыше рукоятью кнута.

— Приехали!

Они открыли дверь и вышли. Карл взял у русского еще три шестипенсовика и протянул

их наверх кэбмену. Тот взял монеты, надкусил каждую по очереди, важно кивнул, прикрикнул на лошадь и поехал прочь. Вскоре он скрылся из вида на Давер-стрит, влившись в поток других экипажей. Карл посмотрел на дом, перед которым они остановились. На стене возле двери была потускневшая бронзовая дощечка. Карл прочел вслух:

— «Клиника для моряков».

Он заметил, что русский с подозрением смотрит на дощечку, явно не понимая, что там написано.

— Вы что, моряк? — спросил Карл. — Вы болеете?

— Помолчи, — сказал Коврин. — Позволи, я подожду здесь, — он сунул руки в карманы пальто. — Скажи им, что Коврин здесь.

Карл поднялся по растрескавшимся ступенькам и позвонил. Внутри громко звякнул колокольчик. Некоторое время Карл стоял и ждал, затем дверь открылась, и появился старик с длинной раздвоенной бородой и полузакрытыми глазами.

— Что тебе, мальчик? — спросил старик по-английски.

— Коврин здесь, — произнес Карл тоже по-английски. Он показал себе за спину, на долговязого русского, мокнущего на улице под дождем.

— В самом деле? — старик улыбнулся. Видно было, что он искренне рад. — Здесь, он? Коврин!

Коврин внезапно бросился к дверям, взлетел по ступенькам, оттолкнув Карла в сторону. После первых объятий он вместе со стариком прошел внутрь, быстро разговаривая по-русски. Карл пошел за ними, надеясь заработать еще полгинеи. Он мало понимал из того, о чем они говорили. Удалось разобрать лишь несколько слов («Санкт-Петербург», «тюрьма», «коммуна», «смерть») — и одно очень значимое слово, которое приходилось слышать уже много раз прежде: «Сибирь». Неужели Коврин бежал из Сибири? В Лондоне было совсем немного русских, которые бежали из Сибири. Карлу доводилось слышать, как они об этом рассказывали.

Внутри дома все свидетельствовало о том, что здесь больше не хирургическая клиника. По большому счету, дом выглядел совершенно нежилым. Мебели почти не было, но повсюду лежали стопы бумаги. В углу прихожей были нагромождены связки газет. Большинство газет были русские, другие — на английском языке. Имелись еще газеты (на немецком, решил Карл). На кипах были также ярлычки, повторяющие заголовок передовицы. «КРЕСТЬЯНСКИЙ МЯТЕЖ» было написано на одном ярлычке. «ЖЕСТОКОЕ ПОПРАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ», — вопила

другая газета. Карл решил, что эти люди, должно быть, политические. Отец всегда говорил, чтобы Карл держался подальше от «политических», потому что, как говорил отец, у них вечно проблемы с полицией. Может быть, лучше уйти?

Но тут старик повернулся к нему и по-доброму улыбнулся.

— Ты выглядишь голодным. Поешь с нами?

Было бы глупо отказываться от дармовой пищи. Карл кивнул. Они вошли в большую комнату, обогреваемую громадной изразцовой печью. По расположению комнат Карл предположил, что помещение с печью когда-то было приемным покоем, но теперь оно тоже было завалено кипами бумаг. Карл почувствовал запах супа. Рот его наполнился слюной. И тотчас Карл отметил, что снизу, из-под ног, доносится странный звук. Что-то под полом рычало, звякало, ухало, будто какой-то чудовищный монстр, закованный в цепи, метался в подвале, пытаясь освободиться. Вся комната то и дело содрогалась. Старик повел Карла и Коврина в следующее помещение. Когда-то здесь, по всей видимости, была главная операционная. Вдоль стен еще сохранились стеклянные шкафы для хирургических инструментов. В углу стояла большая закопченная плита. Женщина, очень хорошенькая, но выглядевшая не менее изуренной, нежели мать Карла, что-то помешивала в железном котле. Когда она начала разливать густой наваристый суп по глиняным мискам, в животе у Карла заурчало. Женщина сухо улыбнулась Коврину. Она, очевидно, не была знакома с ним, но слышала о нем. Здесь его, похоже, ждали.

— А кто этот мальчик? — спросила женщина.

— Карл, — сказал Карл. И поклонился.

— Надеюсь, не Карл Маркс? — засмеялся старик, потрепав Карла по плечу.

Карл его не понял. Имя «Карл Маркс» ему ничего не говорило.

— Нет, меня зовут Карл Глогауэр, — сказал он.

Старик объяснил женщине:

— Это ковринский провожатый. Его послал Песоцкий. Сам Песоцкий не смог прийти, потому что он под колпаком. Если бы он пошел встречать Коврина, то отдал бы его тепленького в руки наших «друзей»... Ладно, Таня. Налей-ка мальчику супа. — Он взял Коврина за плечо. — Ну-с, Андрей Васильевич, расскажите нам, батенька, обо всем, что стряслось в Петербурге. Ваш бедный брат... я уже слышал об этом...

(Продолжение следует)